

Сергей Снегов

МНЕ ОТМЩЕНИЕ...

Современная трагедия в старом духе

На три круга

Действующие лица

Леонид Парфенович Белогоров, генерал-лейтенант медицинской службы, заслуженный деятель науки, профессор, доктор и прочая.

Надежда Емельяновна Белогорова, его жена. Марина, их дочь.

Тарасовна, домработница, очень своя в доме.

Кирилл Петрович Трофимов, врач.

Софья Семеновна Сердюкова.

Действие совершается на даче Белогорова, километрах в ста от Москвы, в течение вечера и ночи.

Место действия — гостиная. В ней всё, что принято размещать в парадной комнате благоустроенной дачи: телевизор, почти всегда бездействующий; радиола; диван с торшером; круглый столик; этажерка с книгами, на ней — телефон; две-три картины и — особо, как важнейшая часть обстановки, — цветы на деревянной, в три уступа, подставке.

Впрочем, цветов хватает и без тех, что на подставке: на дворе июнь 1955 года.

КРУГ ПЕРВЫЙ

Игра начинается —
делайте ваши ставки!

Тарасовна ходит по сцене, прибирается, переключает предметы с места на место. Сегодня суббота — семья должна приехать на дачу. Уже с полчаса, как прошла электричка — но от станции два километра. Тарасовна поглядывает на часы, качает головой. Ей кажется, что ее терпение нарочно испытывают — и она заранее сердится.

Звонит телефон, Тарасовна спешит к нему. Ее плохое настроение сказывается и на разговоре.

Тарасовна. Маринка, ты? Вот же беспутные, так задерживаться! Не Маринка? Да, квартира Белогорова, дача, да. Нету хозяев, нету. Кого? Отродясь о таком не слыхала. Да нет же, говорю, нет у нас Трофимова, никогда не бывало. И в гости не ждем. Леонид Парфеныч приедет с минуты на минуту. Ладно, звоните, только дело это напрасное, да! *(Клагет трубку.)* Вот же настырная...

Вбегают Марина — не то еще девочка, не то уже девушка. Она, естественно, считает себя взрослой. Марина такая живая и говорливая, что не замечаешь, красива она или нет.

Марина. Тарасовна, приветик!

Тарасовна. Одна?

Марина. Вдвоем.

Тарасовна. Никого не вижу.

Марина. А голод? Второй час терзает. Дай заморить червячка!

Тарасовна. Пойди умойся.

Марина. Необязательно.

Тарасовна. У меня обязательно!

Марина *(напевает, вальсируя)*. Тарасовна, у меня ноги не ходят! Ах, какие цветы... *(С чувством.)* Что за чудо наша дачка, Тарасовна! *(Декламирует.)* Вновь я посетил тот уголок земли, где я провел изгнанником два года незаметных... Всю неделю мечтала, что в субботу поедем сюда. На речке купаются? Достанешь утром купальник! Голубенький, с прошлого года. Тарасовна, совесть у тебя есть?

Тарасовна *(любуется)*. Ноги не ходят, а танцуешь?

Марина. Танцевать я могу и голодная. Единственный способ заглушить муки голода.

Тарасовна. И языком молотишь.

Марина. А чем мне молотить? Хвостом? Или руки в ход пускать? *(Целует Тарасовну.)* Ты меня доведешь до безумия. Спроси папу — он тебе разъяснит, что от голода человек тупеет. Так что будет?

Тарасовна. Ужин.

Марина. А до ужина?

Тарасовна. Колбаски найду, если предъявишь чистые руки.

Марина. Ради колбасы можно.

Убегает, напевая. Тарасовна готовит бутерброд. Марина возвращается и хватает его со стола.

Тарасовна. Почему одна?

Марина. Мама с уважаемым Леонидом Парфенычем приедут на машине: на электричку они не успели.

Тарасовна. А ты не с ними?

Марина. Как видишь, дорогая Тарасовна.

Тарасовна. С мальчишками ехала? Все провожательные!

Марина. Попутчики.

Тарасовна. Ухажеры.

Марина. Приятели, так скажем. В нашей школе подбор мальчишек неудачный. Сплошь молчалники или трепачи, на воздыхателей не тянут. Или рожи строят, или лапы суют.

Тарасовна. Как ты сказала?

Марина. Ну, на поклонников... Тебе непонятно?

Тарасовна. Я насчет лап и рож. Не люблю таких слов!

Марина. Думаешь, я люблю? Но к мальчишкам нашей школы только такие слова подходят. Всё иное — лакировка действительности.

Тарасовна. Разговаривать с тобой!..

Марина. И мальчишки это же говорят. Я жуткая реалистка. Чтобы не разочаровываться, твердо решила не очаровываться.

Тарасовна. А провожать тебя за сто верст едут...

Марина. Пустяки! Со следующей электричкой вернутся.

Тарасовна. И так каждый раз!

Марина. Всего один день в неделю.

Входят Надежда и Белогоров. Ей лет сорок, ему сорок пять. Он высок, красив, благообразен, значителен. Она проста и сердечна. Неважно, красива она или нет, элегантна или мешковата. Как в дочери всё забивает порывистость и говорливость, так в Надежде всё поглощается женственностью. У нее мягкий, на полутонах, голос — такие голоса всегда называли милыми. Это словечко, вероятно, точнее всего определяет сущность Надежды: она мила.

Надежда. Маринка! Перед ужином!

Марина. Всё в порядке, мама. Заправляюсь перед дальним походом к столу.

Надежда. Смотри, если потом не будешь есть!..

Марина. Никаких потом! До ужина я еще дважды проголодаюсь.

Надежда. Как в саду, Тарасовна?

Тарасовна. Розы расцвели. А сирень уже отошла...

Надежда. Пойдем в сад, Леня.

Белогоров. Иди одна, я отдохну у себя перед ужином.

Надежда. Работать будешь? Сегодняшний вечер — только наш!

Белогоров *(смеется)*. А разве не все вечера — наши?

Надежда. Да, когда они наши. Я тебя вижу лишь в электричке, в машине и здесь, на даче, за ужином и обедом.

Белогоров. Удивительное совпадение! Именно в это время и я тебя вижу.

Тарасовна. Еще в клинике встречаетесь...

Надежда. В клинике мы не встречаемся, а работаем: он дает указания, я исполняю. Ленечка, не садись за статью. Тебя потом не оторвать, а я, честное слово, очень голодна.

Тарасовна. Ужин готов. Через три минуты можно есть.

Марина. Если три минуты, то пройдет ровно тридцать, пока усядемся за стол. Какая я умная, что перекусила!

Белогоров поднимается наверх, Надежда и Тарасовна скрываются за внутренней дверью. Марина, напевая, вальсирует вокруг стола. Опять звонит телефон.

Да, квартира профессора Белогорова. Я — Марина, дочь. И папа, и мама приехали, да. Кого позвать? Такого нет. Нет, и не слышала о нем. Если бы папа кого ждал, он сказал бы. Хотите, позову папу — он сам объяснит. Пожалуйста, ваше дело. Последняя электричка приходит в одиннадцать сорок — согласитесь, в гости поздно. Я всё-таки позову папу или маму, они, возможно, знают Трофимова. Как хотите. Не стоит благодарности.

Входят Надежда с Тарасовной.

Надежда. Кто звонил?

Марина. Какая-то женщина со станции. Узнавала, нет ли у нас Трофимова.

Надежда. Какого Трофимова?

Марина. Какой-то ваш с папой знакомый.

Тарасовна. И меня о Трофимове дама допрашивала — наверное, та самая.

Надежда. Может, из бывших наших больных? Помоему, был один полковник Трофимов, ему Леня де-

лал резекцию желчного пузыря, я — ассистировала. Два камня с голубиное яйцо, полсотни с горошину, масса песку. И он живет не то в Коломне, не то в Зарайске.

Тарасовна. Значит, явится с букетом — благодарить за выздоровление.

Надежда. Только бы не сегодня! Так не хочется посторонних...

Марина. Тебе понравилось в саду, мама?

Надежда. Такой воздух, такие краски, Маринка!

Марина. Пойду полюбуюсь.

Тарасовна. Тебе лишь бы на стол не накрывать!

Надежда. Пусть идет, Тарасовна.

Надежда и Тарасовна раздвигают стол, ставят на него еду. Стук в дверь.

Тарасовна. Вот шальная! Уже с парадного хода зашла.

Стук повторяется.

Надежда. Марина, не дури!

Дверь открывается — и появляется Кирилл Трофимов. Он медленно идет к Надежде. Она ждет его, бессильно опустив руки, лишившись голоса. Узнает его она, разумеется, сразу, но проходит несколько мгновений, прежде чем это скорее ощущение, чем знание становится отчетливым пониманием. Тарасовна, почувствовав, что воздух в комнате словно завибрировал, тоже немеет. Неподвижность и потерянности Надежды дают Трофимову возможность начать разговор именно так, как, возможно, он придумывал многие годы.

Кирилл. Не узнаешь, конечно?

Надежда (его голос выводит ее из оцепенения). Кирилл! (Бросается к нему, прижимается, грозит, беззвучно плачет.)

Кирилл. Узнала... Ну, не надо, перестань! Прошу тебя, успокойся.

Надежда. Живой! Живой!

Кирилл. До смерти мне еще далеко. Смерть меня подождет, как выразился один мой собрат по судьбе. Надежда. Живой, боже мой! Живой, живой!

Кирилл. Живой, здоровый, успешный... Вот только немолодой. Жизнь катится к старости.

Надежда. Тарасовна!

Тарасовна (*понимает с полуслова*). Сейчас позову. Мигом, мигом! (*С редким для нее проворством чуть ли не взлетает по лестнице.*)

Надежда. Не могу прийти в себя! Кир, ты? Неужели ты?

Кирилл. Привидения в двадцатом веке немодны.

Надежда. Боже мой, ты! И какой красивый, какой молодой! Как ты смеешь говорить о старости! Ты совсем не переменялся, совсем!

Кирилл. Нет, Надя, я переменялся. А если на внешности не сказалось, так потому, что в холодильнике, где я жил, всё живое консервируется.

Надежда (*слова его доходят до нее не сразу — она всё еще ошеломлена его неожиданным приходом*). В холодильнике?

Кирилл. В Заполярье. Морозы там зверские — жизненные процессы замедляются. А старение — главная функция жизни.

Надежда (*снова прижимается к нему, снова плачет*). Кир!

Кирилл. Успокойся, прошу тебя...

Сверху сбегает Белогоров, за ним спускается Тарасовна.

Белогоров. Кирилл, неужели ты?

Кирилл (*смеется*). А ты посмотри: может, не я?

Белогоров. Ты, конечно, ты! (*Троекратно целуются.*) Надя, он не переменялся! Раньше был неприлично почтенен, сейчас неприлично молод. Ни морщинки, ни седого волоска!

Кирилл (*явно актерствуя*). Есть морщины, есть и седина — только они во мне, внутри, а не снаружи.

Белогоров. Понимаю. Сколько ты вынес!.. А мы уже...

Кирилл. Считали, что я умер? Знаю.

Белогоров. Столько лет — и ни словечка, ни весточки.

Кирилл. Десять лет в тюрьме — без права переписки. А потом... Об этом мы еще поговорим.

Белогоров. Обязательно поговорим! Ты у нас почувешь, это ясно. А какие планы на завтра? На ту неделю? Надолго в Москву? И откуда ты, из каких дальних мест?

Кирилл. Леня, ты задал столько вопросов, что отвечать нужно весь вечер.

Белогоров. Тогда скорее ужинать! Шампанское у нас есть?

Тарасовна. Неужто же не быть!

Надежда. Кирочка, садись на диван с Леной, а мы быстро всё приготовим.

Кирилл. Может, помочь?

Белогоров. Занятие нехитрое — накрывать на стол. Управятся сами.

Мужчины садятся на диван.

Кирилл. Ты, я вижу, домашний деспот. Ввел сатрапическое правление, как говорили у нас на севере.

Белогоров. Сатрап из меня не очень... А вот не мешать — просят.

Кирилл. А ты этим пользуешься. Удобно прикидываться неумехой?

Белогоров. Только в хозяйственных делах. Моя единственная привилегия — ничего не понимать в хозяйстве. В остальном я в общем нормальный человек, да и работник без особый нареканий.

Кирилл. Скромничаешь! Думаешь, в своей глуши я разучился читать по-русски? Знаешь, как у нас называется твой «Курс хирургии внутренних органов»? Библией скальпеля! Настольная книга в клиниках. Я внимательно следил, как ты поднимался до всесоюзной знаменитости. Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой...

Белогоров. Какая там знаменитость! Именитость — это да, на это я еще соглашусь. Чины и звания — только и всего.

Кирилл. Лауреат Сталинской премии всё-таки...

Белогоров. Мало ли кому эти премии давали! Подошла моя очередь получать — получил. Вроде выслуги лет.

Надежда. Леня, не скромничай! Если кто и получил премию не за выслугу, а за заслугу — так это ты.

Кирилл. Полностью поддерживаю — как врач-практик и один из незаметных учеников и почитателей профессора Белогорова. Между прочим, на севере я первый оперировал желчные протоки по твоему методу. И не одному человеку продлили жизнь твои искусственные желчевыводящие трубы.

Белогоров. Не понимаю, Кир! Следил за моей работой, читал мои книги, даже оперировал по моему методу, а чтоб словечко написать, хоть уведомить, что жив, — нет!

Надежда. Ты ведь не мог не знать, как мы мучаемся от неизвестности! Я начинаю думать, что ты жестокий человек, Кир. Не сердись — я шучу, я знаю, какой ты добрый.

Кирилл *(смеется)*. Загадка, правда? А я вовсе не добрый, а жестокий и непреклонный. Я вообще узнал о себе много нового...

Надежда. Ты не можешь быть таким.

Кирилл. Я стал таким. Говорю тебе: я переменялся. Или, точнее, развился. Реализовал изначально заложенные во мне гены жестокости и прямоты.

Надежда. Прямо ты был и раньше, а вот насчет генов жестокости...

Белогоров. Насчет генов скажу я. У нас в институте шутят: назовите неприличное слово из трех букв, при упоминании которого все биологические дамы (с бородами и без) краснеют и опускают глаза. Ответ: ген.

Кирилл. Во второй четверти двадцатого века шаркались от многих слов. *(Патетически.)* Но близится очистительное время пронзительных признаний и справедливых кар! *(Он говорит искренне — но в его голосе столько неуместного и какого-то провинциального пафоса, что все замолкают. Первой спохватывается Надежда.)*

Надежда. Ты не говоришь, а пророчествуешь.

Кирилл *(сбавляя тон и даже пытаясь шутить)*. А по натуре я и есть пророк. Правда, диплом врача почему-то затушеввал для окружающих это внутреннее мое пророческое естество.

Белогоров. Я всё-таки повторю свой вопрос. В тюрьме у тебя не было связи с внешним миром, согласен, но потом? К профессии хирурга ты возвратился, сколько я понимаю, не в тюрьме, а в лагере. Из лагеря можно было написать в Москву!

Кирилл. Я уже ответил: мы об этом еще поговорим. А чтоб разжечь твоё любопытство, скажу: причины, по которым я молчал, — это такой детектив, что и Честертону не снилось! У него человек был только четвергом, а я теперь — все дни недели.

Надежда. Не понимаю...

Кирилл *(он всё-таки не может удержаться от многозначительности)*. Скоро поймешь.

Из сада возвращается Марина. Она с удивлением смотрит на Кирилла.

Надежда. Кирилл, это наша дочь Марина. Маринка, подойди. Из далекой, несправедливой ссылки возвратился наш старый друг, самый близкий мне и папе человек — Кирилл... Прости, я вдруг забыла твоё отчество.

Кирилл. Петрович.

Надежда. Кирилл Петрович Трофимов. Люби и уважай его, как мы с папой любим его и уважаем. Он заслуживает и любви, и уважения!

Марина подает руку.

Кирилл. Так вот ты какая, Маринка! Похожа сразу на мать и на отца. А еще говорят, что ген — неприличное слово! *(Оборачивается к Белогорову.)* Родилась в тридцать девятом?

Белогоров. В августе тридцать девятого.

Тарасовна *(она явно ощущает важность момента)*. Кушать подано! Пожалуйте к столу.

Надежда. Кир, ты сюда, на почетное место. Ты напротив, Леня.

Рассаживаются. Белогоров открывает шампанское, разливает в большие фужеры.

Белогоров. Первый тост — за тебя, за твое появление у нас.

Кирилл (*смеется*). За мое воскрешение из мертвых? Белогоров (*не признавая ироничного тона, горячо*). За ту радость, что нам доставило твое появление, за счастье знать, что ты живой и здоровый!

Надежда. За тебя, Кир, за тебя! (*Залпом выпивает шампанское, за ней — остальные.*)

Марина. Мама, ты никогда так не пила!

Надежда. У меня никогда не было такой радости, как сегодня, дочка. Сегодня ты увидишь свою маму пьяной.

Кирилл. Я бы предпочел видеть тебя трезвой, Надя.

Надежда. А я уже пьяная! Я пьяная оттого, что ты здесь, что я могу на тебя смотреть. Любоваться могу. Оттого, что ты такой, как раньше, ну, ни капельки не изменился, только пополнел немного!

Белогоров. А я растолстел, как видишь.

Кирилл. В меру возраста.

Белогоров (*похоже он заразился резонерством Кирилла*). Настоящий возраст измеряется не годами, а событиями. Ошибками, горем, радостью...

Кирилл (*радостно подхватывает предложенный тон*). Теперь ты понимаешь, почему я мало изменился? Меня заботливо оберегали от событий, радостей я не припомню, а горе было всегда — и такое однообразное, что мы к нему привыкли.

Надежда. Я хочу пить! И тост теперь скажу я. Налей шампанского, Ленья!

Белогоров (*с состраданием смотрит на жену*). Может, не будем торопиться, Надя? Ты бы поела...

Надежда. Нет, будем торопиться! Прошу всех встать. Я пью за Кирилла, за нашего Кира, за самого хорошего человека, которого я знала. За умного, доброго, пламенного Кира, красивого и нежного, в которого я была без памяти влюблена — и думала, что уже никогда не увижу. А он вернулся, такой же красивый и необыкновенный, — вот он. Пьем за тебя, пьем до дна! И ты пей до дна, Ленья, не ревнуй и пей.

Белогоров. Разве ты не помнишь, что я никогда не ревновал тебя к Киру? Он настолько превосходил всех нас, что глупо было бы к нему ревновать.

Надежда. Спасибо, Ленья! Пьем, пьем!

Марина. Мама!

Надежда. Пей, дочка! Сегодня и тебе можно. До дна, все до дна!

Кирилл. Спасибо!

Все пьют. Марина дотрагивается до локтя матери.

Марина (*тихо*). Мама!

Надежда. Говори громче.

Марина. Ты сказала, что была без памяти...

Надежда. Влюблена в Кира? Ну конечно — была! Ты бы тоже влюбилась, если бы знала его тогда. Я была невестой Кира.

Белогоров. Надежда, не всё нужно знать нашей дочери.

Надежда. А что мне скрывать от нее? В моем прошлом нет ничего, чего надо стыдиться. Если бы судьба не разлучила нас с Киром, он был бы моим мужем и ты имела бы другого отца, Маринка.

Марина (*враждебно*). Мне не надо другого отца.

Надежда. Правильно, отец у тебя хороший, лучше быть не может. И муж Ленья замечательный, мне не в чем его упрекнуть. Просто всё могло быть по-другому! Всё могло быть по-другому! Выпьем еще, дорогие мои!

Белогоров. Надя, тебе не надо пить.

Кирилл. И мне что-то не хочется...

Надежда. А я — выпью! (*Пьет.*) Вы думаете, я пьяная? Вы боитесь, что я наговорю лишнего? Глупые, я пьяна не от шампанского, а от необыкновенного сегодняшнего события. И лишнего я не скажу, у меня просто нет ничего лишнего, всё во мне вы знаете, только Маринка не знает, но она уже взрослая, она поймет. Ты поймешь, Маринка?

Марина. Я всё понимаю, мама.

Надежда. Она всё понимает! А ты, Кир, должен знать... Всё могло быть по-иному, но получилось так. И я счастлива. И всегда была счастлива — если бы не

твой арест. Потому что Леня такой человек... Он такой человек, Кир!

Кирилл. Разве я не знаю Леонида?

Белогоров. Прошу тебя, Надя, не говори обо мне.

Надежда. Как вы боитесь меня! У вас у всех глаза испуганные. Говорю вам, я не скажу ничего, что вам неизвестно. Я так счастлива, что ты живой и здоровый, Кир! *(Закрывает лицо руками и плачет, упав головой на стол.)*

Марина *(отчаянно)*. Маме плохо! Маме плохо!

Тарасовна. Надо было тебе выпить!

Белогоров. Тихо, тихо, сейчас всё пройдет. Нервы, друзья, нервы! Наденька, возьми себя в руки, очень прошу...

Кирилл. Похоже, я сделал большую глупость, когда не предупредил о приезде.

Белогоров. Выпей воды, Надя.

Надежда. Да, пожалуйста, дай мне воды. *(Пьет и плачет.)* Не обращайтесь внимания. *(Плачет.)* Я сейчас... Я полежу на диване. Помогите мне, Леня.

Белогоров и Тарасовна ведут Надежду к дивану. Кирилл стоит, опустив голову. Белогоров подкладывает жене подушку под голову, по привычке щупает пульс.

Марина. Папа, я принесу лекарства. Что нужно?

Белогоров. Ничего. Внезапное потрясение, к тому же три бокала шампанского — один за другим. Через пять минут твоя мама встанет здоровей прежнего.

Кирилл. Леонид, я этого не хотел...

Белогоров. Конечно, не хотел, чудак. И плохого тоже ничего нет. Выпьем?

Кирилл. Пока не хочу.

Тарасовна. Убирать, что ли?

Белогоров. Оставь закуски и бутылку. А тебе, Маринка, задание — спать.

Марина. Я не уйду, пока мама не встанет.

Белогоров. Маринка, тебе давно пора.

Марина. Можешь сердиться сколько хочешь, а я не уйду, пока маме плохо. И я уже не маленькая, не будет катастрофы, если лягу на час позже.

Надежда *(поднимается)*. Вот я уже встала, не нужно ссориться. Можешь спокойно отправляться спать.

Марина. Тебе на самом деле лучше, мама?

Надежда. Мне не лучше — мне хорошо. Я давно, давно уже не была такой счастливой! Можешь мне поверить, дочка.

Марина. Ты вдруг так побледнела...

Надежда. Сама не понимаю, что произошло. *(Смеется.)* Напугала вас?

Марина. Разрешите мне еще посидеть с вами.

Надежда. А вот этого не разрешу. Тебе пора спать.

Марина. Почему вы все считаете меня ребенком?

Надежда. Наоборот, сейчас я разговариваю с тобой как со взрослой. Ко мне и отцу пришел самый дорогой наш друг, который исчез с наших глаз еще до твоего рождения. Нам нужно о многом поговорить. И всякий человек, кроме нас троих, будет нам мешать. Ты не обиделась, дочка?

Марина *(поспешно)*. Нет, мама, что ты! *(Обращается сразу ко всем.)* Спокойной ночи.

Все *(несколько вразнобой)*. Спокойной ночи.

Тарасовна. Я немного прибрала, остальное сделаю утром. Коньяк в шкафчике.

Белогоров. Спасибо, Тарасовна. *(Достает коньяк.)* Выпьем, Кир? *(Наливает две рюмки.)* Тебе не предлагаю, Надя.

Надежда. Мне и не надо,

Кирилл. Твое здоровье, Надя! *(Пьет, ставит рюмку.)* Теперь спрашивайте — отвечу на любые вопросы.

Надежда. Ты в Москву насовсем?

Кирилл. Нет, приехал в отпуск. Живу на севере Якутии и, видимо, пробуду там еще несколько лет. Надо поднакопить денег, прежде чем вернуться к пенатам...

Надежда. Ты женат? А дети?

Кирилл. Женат, есть сын. Ему два года.

Надежда. Ты счастлив?

Кирилл. Как тебе сказать? Я об этом не задумываюсь. Возможно, это и значит быть счастливым.

Надежда. Кто твоя жена?

Кирилл. Она геолог, приехала к нам после окончания Ленинградского горного. Живем с Таней мирно, характер у нее как раз такой, какой нужен сумасшедшим мужьям.

Белогоров. Ты считаешь себя сумасшедшим?

Кирилл (*он опять рисуется*). Ну, нормальным меня мало кто посчитает — даже если я буду об этом просить. Тебя это удивляет?

Белогоров. Ты понимаешь, мы ничего не знаем о тебе с тех пор, как случилось это несчастье...

Кирилл. О тюрьме я уже говорил. Десять вычеркнутых из жизни лет — вот моя тюремная жизнь.

Белогоров. А Якутия? Ты был там семь лет?

Кирилл. Пошел восьмой. О Якутии можно говорить много, место интересное. Для любителей трудностей — испытательный полигон. Климатический, житейский, культурный. Для ясности: трудности я преодолеваю в общем без надрыва и паники, но люблю не слишком. При подходящем случае переберусь поближе к родному меридиану.

Надежда. Господи, как тебе досталось!

Кирилл. Испытаний было много. (*Снова впадает в патетику.*) И, смею думать, я вынес их достойно. Впрочем, ни тюрьма, ни ссылка в Якутию не были так уж непереносимы. Трудно было в Москве — год под следствием, тридцать седьмой, начало тридцать восьмого.

Надежда. Тебя били, Кир?

Кирилл. Как ни странно — нет. Теперь много говорят о тогдашних избиениях в тюрьмах (и это в общем правильно), и мне как-то неудобно признаваться, что меня никто и пальцем не тронул. (*Накаляется и повышает голос.*) Мучило не физическое, а моральное. Абсолютная нелепость, абсолютная бессмысленность обвинений, серьезность, с которой воспринимали дикое шутовство, что тогда называлось следствием, — вот что терзало.

Надежда. Какое правильное слово — нелепость! Нелепость и ложь — так мы тогда всё восприняли.

Кирилл. Мне передали записку, где ты писала, что не веришь обвинениям против меня. Спасибо тебе —

пусть и с опозданием. Тогда мне было так важно, что есть люди, верящие в мою невиновность!

Надежда. Все мы верили в твою невиновность, не я одна. Всех нас потрясло, что взяли именно тебя, а не другого. Это не укладывалось в голове. Ну, взяли бы меня — я вольно вела себя и на собраниях, и в разговорах, Леонида могли бы взять: он тоже порою хватал лишку. Но тебя! Ты же был самым принципиальным, искренне преданным Сталину человеком. Пламенный Кир, иначе тебя не называли, — вот ты был какой. А взяли тебя, а не нас. В этом было почти кощунство. Со дня твоего ареста я перестала верить, что враги народа реально существуют.

Белогоров. Тебе не предъявляли других обвинений, кроме близости к профессору Дорну?

Кирилл. Нет. Любимый ученик Дорна, помогал ему готовить покушения на Куйбышева и Орджоникидзе — такова была формулировка обвинения. На что-либо более серьезное у Сердюкова фантазии не хватило.

Надежда. Сердюкова? Это кто такой?

Кирилл. Мой следователь. Отвратительный человек: высокомерный, неумный... Клеветник без дарованья — эта пушкинская формула точно его характеризует.

Кириллу явно не хватает естественности: вероятно, он действительно долгие годы продумывал этот разговор. И только когда Белогоров или Надежда сбивают его неожиданными вопросами, в «пламенном Кире» проступает что-то более человеческое.

Белогоров. Я его помню, он ведь и меня вызывал по твоему делу.

Надежда. А меня не вызывал, хоть я и требовала вызова.

Кирилл. Потому и не вызывал, что ты этого добивалась. Ты писала такие письма в мою защиту, что до сих пор не понимаю, как тебя не арестовали. Сочувствие к тем, кто попал на Лубянку, — в те годы это было очень серьезно!

Надежда. Я была в таком состоянии, что мне, вероятно, стало бы легче, если бы меня арестовали. Я места себе не находила.

Белогоров. Место, положим, ты себе находила — в пропускной Лубянки. Каждый день являлась туда как на службу.

Надежда. Я выпрашивала свиданье...

Кирилл. И об этом я знал. Сердюков был очень болтлив. В одном из водопадов его красноречия было и сообщение о твоих попытках вызвать меня. «Ваши сообщники хлопчут за вас! — орал он. — Признайтесь, что и эту девушку вы завербовали в свою контрреволюционную организацию. И хватит врать, что она ваша невеста: это старый прием — маскировать преступное содружество под любовную связь!»

Белогоров. Мне он болтуном не показался. Наглый, напористый — да, но не болтливый. Пронзительные, ощупывающие глаза, умение ловить на неосторожном слове... Интеллектом он, естественно, не блистал. Дубоватость, впрочем, числилась у них в добродетелях.

Кирилл. Меня он переламывал, а тебя допрашивал как свидетеля.

Белогоров. Удивительна была его молодость. Для такого солидного учреждения, как Лубянка, он был слишком юн.

Кирилл. Дел-то было сколько — старики не справлялись. Новых следователей выискивали на заводах, среди партийного актива и студентов. Сердюков как раз был из них, недоучившийся юрист, отозванный с четвертого курса. Ретивый стажер без принципов, без знаний, без понимания.

Белогоров. Мне он сказал, что твое дело, ввиду его важности, выделено в особое производство.

Кирилл. В итоге это меня и спасло. Всех привлеченных по делу Дорна расстреляли, а я, как видишь, живой.

Белогоров. Тогда то, что тебя выделили, показалось мне зловещим. Мы и представить не могли, что помощников Дорна расстреляют, но что добром никто не отделается, понимали. А ты был любимцем Дорна,

и отделение от других могло означать лишь одно: тебе придется хуже.

Кирилл. И я так считал. Положение было отчаянным — и я стал бороться с Сердюковым. Не хвастаясь: сделал это блестяще и только потому сохранил жизнь, хотя свободы и не возвратил.

Белогоров. Тебе удалось доказать Сердюкову свою невинность? Или, вернее, меньшую вину, чем у других сотрудников Дорна?

Кирилл. Сердюкову докажешь! Говорю тебе, у этого человека не было ни понимания, ни принципов — только указания, установки и ревностное их исполнение. Я переиграл этого близорукого хитреца.

Надежда. Расскажи, Кир!

Кирилл. Хитрые люди обычно неумны. Кто-то сказал, что хитрость — это ум глупого человека, и Сердюков служил живым доказательством. Скоро мне стало ясно его неумение вести следствие, и на этом я построил систему защиты.

Надежда. Ты в чем-нибудь признался, Кир? Я имею в виду — в том, чего не делал...

Кирилл. Все признавались, Надя, в том, чего не делали. Оклеветать себя — это был единственный способ избежать истязаний. Мало, очень мало кто имел мужество пройти отказчиком. Дорн тоже признался в своих мнимых преступлениях, я читал его показания. Среди прочих пособников старик и меня назвал, правда, не первым, а где-то в конце. Упорствовать мне не дадут — это я понял сразу. И решил оговорить себя, но признаться лишь в таких нелепых преступлениях, оклеветать себя так вздорно, чтоб потом, когда истребительские страсти поутихнут, любой беспристрастный юрист, взяв мое дело, должен был бы сказать, пожимая плечами: «Да это всё — ахинея!»

Белогоров. Тонкий план.

Кирилл. С умным следователем он бы не вышел, а с Сердюковым эту игру сыграть было можно. Я помню мельчайшие детали того дня. Шел третий час допроса, Сердюков безбожно путал даты и факты. У него выходило так, что мы готовили покушение на Куйбышева после его смерти, а Орджоникидзе собрались

залечить, когда тот был абсолютно здоров и поехал в Среднюю Азию. Я молча слушал этот вздор. Наконец Сердюков закричал: «Как видите, следствию известно всё! Трофимов, признавайтесь, пока не поздно!»

Надежда. И ты не сказал ему, что он врет, не указал на несоответствия?

Кирилл. Зачем? Чтоб он умнее подобрал даты? Нет, я сказал: «Ладно, раз вам всё известно, буду признаваться! Пишите протокол». Он проворчал: «Так-то лучше...» — и сел писать. Он склонился над бумагой, рядом лежала раскрытая пачка «Казбека». Он скрипел пером, у него была тупая рожа, невыразительная, мерзкая. Боже, как я ненавидел его! Впрочем, я старался поменьше смотреть в его сторону, чтоб он не перехватил мой взгляд и не встревожился. Я откинулся на спинку стула, забросил ногу на ногу, взял из пачки папиросу и закурил. Он только промышчал: «Но-но, без хамства, спрашивайте разрешения» — но папиросу не забрал. А я курил, и сердце у меня билось так гулко, что Сердюков услышал бы стук, если бы не был так занят проклятым протоколом. А потом он протянул мне бумаги для подписи, и на его харе светилось такое торжество, что просто не знаю, как я не свернул ее набок ударом кулака. Он упивался своей победой, он делал вид, что его уже не интересует, как я отношусь к его дурацкому поклепу: игра, мол, сделана — и ставок больше нет. Он встал, подошел к окну, посмотрел на кремлевскую башню, ту, что на оси Никольской, она хорошо была видна из его кабинета. И обернулся, лишь когда я сказал: «Готово, гражданин следователь!» И если бы вы видели, каким жадным взглядом он окинул подписанный лист, какое подлое облегчение появилось на его лице, когда он увидел, что я не вымарал ни единой строчки!

Белогоров. Еще бы! Собственноручное признание обвиняемого свидетельствовало о мастерстве следователя — для Сердюкова открывался путь наверх...

Надежда. А что он сказал, получив протокол?

Кирилл. Что-то вроде: «Теперь мы вас быстро оформим, засиживаться в тюрьме не будете». На радостях

презентовал мне ту пачку «Казбека» — взял со стола и молча сунул, как премию за признание.

Надежда. А дальше был закрытый суд?

Кирилл. А дальше был закрытый суд. И на суде я оказал: «Смотрите, какую липу нагородили ваши следователи: я пытался убить умершего, залечивал здорового, к тому же — отсутствующего. Сверьте даты, и вам сразу станет ясно, что обвинение — плохо скроенная ложь». Заявление мое вызвало такое смещение, что председательствующий прервал заседание. Два часа судьи наводили справки, а потом я вновь предстал перед ними. Председатель объявил: «Предварительное следствие проведено небрежно, следовательно получит за это взыскание. Но направлять ваше дело на переследствие не будем: нет времени возиться с вами. Мы располагаем косвенными свидетельствами вашей преступной деятельности и обойдемся без прямых признаний». И тут же огласил приговор: десять лет со строгой изоляцией, пять — последующей ссылки. Правда, по более мягкой статье.

Белогоров. Всё-таки не смерть...

Кирилл. А к большему я тогда и не стремился.

Надежда. Ты не писал протесты?

Кирилл. Писать протесты тем, кто меня осудил? Я не такой наивный!

Надежда. Ты смирился с несправедливостью?

Кирилл (*всё более и более пафосно*). Вовсе нет. Я знал, что правда не исчезает. Ложь шумна, часто свирепа, но недолговечна, такова уж ее природа. Я ждал своего часа. Этот час настал.

Надежда. Да, теперь ты можешь всем объявить, что невиновен, что тебя заставили оболгать себя.

Кирилл. Я приехал не для этого.

Надежда. А для чего, Кир?

Кирилл. Я мщу. Вот моя цель. Наказать тех, кто сломал мою жизнь.

Белогоров (*иронически*). Граф Монте-Кристо порусски...

Кирилл. Нет, Леонид, Дантес мстил за свое маленькое разбитое счастье маленьким людям, предавшим его из личной выгоды. А я хочу рассчитаться с но-

сителями общественного зла — и не за себя одного, а за всех, кто погиб и неспособен защититься сам. Это зло никогда не должно повториться (*голос его нарастает — Трофимов всё больше оправдывает свое старое прозвище «пламенный Кир»*). Пришел мой час — моя игра сделана, и ставок больше нет.

Надежда. Но что ты можешь один?

Кирилл (*теперь он не просто говорит, а витийствует*). Я не один — за мной все невинно погубленные. Бывают времена, когда и камни вопиют, а человека надо убить, чтоб заставить замолчать. (*Меняет тон, почти буднично.*) Завтра в Москве по моему заявлению будут судить Сердюкова.

Белогоров. Кирилл, это правда?

Кирилл. Да, Сердюков привлечен к ответственности. Формально он поплатится за меня одного, по существу — за всех. (*Опять накаляется.*) Осуществляется наконец то, о чем я мечтал все годы моего заключения, — месть, великая месть! У Честертона человек был четвергом, а я — все дни недели, и каждый день — месть. Для нее не существует ни выходных, ни праздников. Сердюкова судят завтра — в воскресенье!

Белогоров. Как это возможно?

Кирилл. Скопилось столько дел по реабилитации невинных и наказанию клеветников, что Верховный Суд работает без выходных.

Надежда. Как это страшно, Кир!

Кирилл. Считаешь, что я неправ?

Надежда. Видишь ли... Разве мезтью можно что-нибудь исправить?

Кирилл. Зло надо покарать.

Надежда. Всякая кара — тоже зло. Можно ли одно зло истреблять другим?

Кирилл. Иного пути пока не найдено.

Надежда. Так безрадостно жить, если ты прав...

Кирилл. Только мещане считают, что человек рождается для радости. Блок когда-то писал: «Век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век». Он попросту не знал, каким будет двадцатый. В мире растет сумма жестокостей — таков печальный опыт истории.

Белогоров. Теперь я понимаю, почему ты молчал столько времени. Ты не хотел, чтоб кто-нибудь заранее узнал о твоей цели.

Кирилл (*его театральность становится почти невыносимой*). Ты угадал. Я вынужден был притвориться погибшим, чтоб успокоить тех, с кем должен расплатиться.

Надежда. Я устала. Извини меня, Кир. Завтра еще поговорим. Я пойду к себе.

Кирилл. Иди, конечно, иди! Кстати, где я буду спать?

Надежда. На этом диване, если не возражаешь. Белье в нижнем ящике.

Кирилл. Отлично. Идеальный отдых — на диване.

Надежда. Ты пойдешь со мной, Ленья?

Белогоров. Мы еще побеседуем с Киrom. Коньяк есть, ночь длинная...

Кирилл. Тема — неисчерпаемая...

Надежда. Не засиживайтесь долго. Мне будет обидно, если вы переговорите обо всем без меня. Спокойной ночи!

Кирилл, Белогоров. Спокойной ночи, Надя.

Надежда поднимается вверх. Мужчины молча прислушиваются к звуку ее шагов наверху. К ним доносится стук закрываемой двери. Кирилл медленно поворачивается к Белогорову, долго смотрит на него — а потом сильно бьет по лицу.

Занавес.

КРУГ ВТОРОЙ

Игра всё еще не сделана

Действие начинается с мгновения, на котором было прервано. Белогоров в ярости бьет кулаком по столу.

Белогоров. Нет! Ты не смеешь! Я запрещаю!
Кирилл (*вот теперь он настоящий*). Не ори! Надя еще не спит.
Белогоров. Я запрещаю, слышишь ты!
Кирилл. Ах, вот как — запрещаешь? Как же мы теперь будем? Или условимся считать пощечину несостоявшейся?
Белогоров. Я требую, чтоб ты немедленно извинился!
Кирилл. Не слишком ли многого требуешь, генерал-лейтенант медицинской службы?
Белогоров. Извинись или уходи!
Кирилл. Не шуми, лауреат! Может выйти твоя жена.
Белогоров. Пусть она выходит! Пусть все выходят! Пусть все увидят, какой ты! Я сам ее позову! (*Направляется к лестнице, Кирилл хватает его за руку.*)
Кирилл. А ты спросил у меня, разрешаю ли я позвать Надю? Всё в свое время, профессор. Сперва мы вдвоем потолкуем, а потом попросим ее принять участие в подведении итогов.
Белогоров. Не смей со мной так разговаривать! Я еще хозяин в этом доме.
Кирилл. Ты уверен? Мне кажется, что хозяин здесь я!
Белогоров. Нет, ты сошел с ума!
Кирилл. Надеюсь, что нет. Шизофреников в нашем роду не было.

Белогоров. Ты думаешь, что говоришь?
Кирилл. Всё измерено, взвешено, разделено, как утверждали предки. Успокойся. Я не покушаюсь на этот стол и телевизор, даже твой дивный садик меня не прельщает. Стремление к личной собственности во мне так и не развилось — я, знаешь, больше казенным имуществом пользовался. Я хозяин здесь не по праву владения, а по моральному праву. Могу сказать по-другому: я заказал музыку, и в эту ночь ты будешь плясать под мою дудку.
Белогоров. Повтори лучше свою блатную формулу: ты сделал игру и ставок больше не принимаешь.
Кирилл. Могу и так, если карточные термины тебе нравятся больше.
Белогоров. В последний раз: или извиняйся, или уходи.
Кирилл. Не сделаю ни того, ни другого.
Белогоров. Что ты задумал?
Кирилл. Прежде всего — пить. Коньяк на столе, ночь длинная — так ты вроде выразился? Дернем по маленькой, заслуженный деятель науки.
Белогоров. Я с тобой теперь не то что пить — в известном месте рядом не сяду.
Кирилл. Правильно, в том месте сидеть лучше в одиночку. А пить, наоборот, надо вместе. (*Протягивает рюмку.*) Бери.
Белогоров (*не берет*). Ты точно о себе сказал: чудовищно переменялся!
Кирилл. Мне ли себя не знать?
Белогоров. Я не буду с тобой пить.
Кирилл. Будешь. В отличие от меня, ты себя не познал, а древние утверждали, что самопознание — основа любого знания. Выпьешь — и даже с удовольствием.
Белогоров. Всего ожидал, но чтоб ты в наглеца превратился...
Кирилл. Послушай, бывший друг, ты перебарщиваешь. И знаешь — почему? (*Белогоров молчит.*) Боишься предстоящего разговора. Невинный человек давно спросил бы — не так даже с возмущением, как с недоумением и обидой: за что ты оскорбил

меня? Ты же растекаешься мыслью по древу, возмущаешься, но этого основного вопроса не задаешь!

Белогоров. Зачем спрашивать то, что я знаю и без твоего ответа?

Кирилл. Итак, ты признаешься? Признаешься?

Белогоров. Не в том, в чем ты меня подозреваешь.

Кирилл. Но ты знаешь, в чем я тебя подозреваю? Одно это выдает тебя с головой!

Белогоров. Что меня выдает? Что?

Кирилл. Еще раз говорю: не кричи! В последний раз предупреждаю. Захочешь орать впредь — ори на свою голову.

Белогоров. Нет, ты не только пострадал от Сердюкова, но и многому у него научился. Вся эта демагогия, шантаж, угрозы!..

Кирилл. Я тебе пока не угрожал.

Белогоров. Не угрожал? А к чему он сводился, этот наш разговор втроем? Для чего ты так длинно описывал свои допросы? К чему рассказывал, куда глядел Сердюков и где лежали папиросы «Казбек»? Почему так красочно изображал монтекристовскую жажду мести? Думаешь, я не понял твои иносказания? Ты пришел только для того, чтобы посильнее ударить.

Кирилл. Я и не скрываю, что намерен расправиться с врагами.

Белогоров. Где в этом доме ты нашел врагов? Где, я спрашиваю? Надежда твой враг? Я твой враг?

Кирилл. Ты сказал, Леонид. Ты мой враг.

Белогоров. Жалко запутавшийся, кругом обману-тый человек — вот ты кто!

Кирилл. Я — одна из жертв подлеца Сердюкова. А ты, Леонид, — один из его многочисленных сотрудников.

Белогоров. Ты не смеешь предъявлять такие обвинения без доказательств! Мы в конце концов не в кабинете Сердюкова, а у меня на даче. Я требую: доказательства!

Кирилл (*готрагиваясь го груди*). Они здесь!

Белогоров (*с отвращением*). Даже твой учитель Сердюков не опускался до такой пошлости. Он лгал, но старался и лжи придать логическую стройность.

Кирилл. Выпей — успокойся.

Белогоров. А теперь ты уклоняешься от неизбежного разговора.

Кирилл. Рад, что признаешь его неизбежность.

Белогоров. Дай рюмку! (*Жадно пьет.*)

Кирилл. Вот так-то лучше! (*Он опять становится пламенным Киром.*) Пью за жестокую правду! Так вот, Леонид, я всё знаю о тебе.

Белогоров. Всё — в смысле всё плохое? Не слишком ли широко захватываешь?

Кирилл. Ты знаешь, о чем я говорю.

Белогоров. Ты можешь говорить только о моих показаниях Сердюкову.

Кирилл. Итак, ты раскрываешь свои карты. Ставок больше нет, Леонид! Я читал твои показания.

Белогоров. Ни единой минуты не сомневался. Знал это с момента, как ты затянул тягомотину о преступлении и высшем возмездии.

Кирилл. И ты говоришь это так спокойно?

Белогоров. Разумеется.

Кирилл. Не отворачиваешься, не прячешь глаза?

Белогоров. Полюбуйся — смотрю прямо.

Впиваются друг в друга глазами. Молчание кажется очень долгим.

Кирилл (*потрясенно и опять патетически*). Воистину безмерно людское бесстыдство!

Белогоров. Дурак ты, Кир! Хороший человек, но, к сожалению, глуп. Налей рюмки.

Кирилл. Чтоб я с тобой пил! (*С отвращением отходит от стола.*)

Белогоров. Будешь пить! (*Наливает, протягивает Кириллу рюмку.*) Ночь длинная, без хорошей смазки разговор не покатит.

Кирилл. Кто из нас заговорил по-блатному?

Белогоров. По Сеньке шапка, по обстоятельствам разговор. Пей.

Кирилл (*берет рюмку*). Еще и тост предложишь?

Белогоров. Предложу.

Кирилл. За то, что топил меня?

Белогоров. Нет, за то, что спасал.

Кирилл. Ты меня спасал?

Белогоров. Я тебя спасал.

Кирилл. Очень интересно! Подожди, как там было сформулировано? «Подтверждаю собственноручной подписью правильность вышеизложенного». И росчерк — с прописными «Л», «Г» и «В».

Белогоров. У тебя прекрасная зрительная память.

Кирилл. «Правильность вышеизложенного...» Курсы по внутренней хирургии ты писал более человеческим языком.

Белогоров. Курсы я писал сам, а протокол допроса сочинял болван Сердюков.

Кирилл. Все у тебя или дураки, или болваны.

Белогоров. Не будешь же ты утверждать, что Сердюков редкостно умен?

Кирилл. Однако у него хватило ума принудить лжесвидетельствовать благородного, высокоталантливого, умного врача Белогорова.

Белогоров. Мое лжесвидетельство тебя спасло — ты сам это сегодня подтвердил.

Кирилл (*он опять — пламенный Кир*). Не смей кощунствовать! Я в бога о детских лет не верю, но есть нечто святое — и я не позволю притрагиваться к нему грязными лапами.

Белогоров. И это святое?..

Кирилл. Правда. Истина!

Белогоров. Истина и правда — понятия разные. Один профессор теологии Петербургского университета растолковывал своим студентам: «Правда — понятие обиходное, а истина — соответствие в высших сферах духа. И то, что верно в высокой истине, не всегда справедливо в обыденной правде. Например, утверждение, что бог существует, есть истина, но не правда».

Кирилл. Раньше я не замечал в тебе пристрастия к парадоксам. Ты был в общем нормальным человеком...

Белогоров. Действительность оказалась софистичной — вот и пристрастился. Диалектические противоречия жизни — так это, кажется, называется в философских статьях.

Кирилл. Сколько я понял, то, что ты меня спасал, есть истина, но не есть правда. Я правильно заговорил на птичьем языке философии?

Белогоров. Ты куда лучше меня знаешь этот язык — в свое время мы все учились у тебя диалектическому осмыслению действительности.

Кирилл. Ты не ответил на мой вопрос.

Белогоров. Я ответил на твой вопрос. Внешне, на взгляд дурака, я, быть может, и топил тебя, а по существу спасал.

Кирилл. Переведи свои философские парадоксы на обывательский язык: на якутских морозах у меня атрофировались центры, заведующие тонкими понятиями.

Белогоров. Значит, начнем серьезный разговор?

Кирилл. А что нам еще делать? Ночь и вправду длинная, а коньяк не допит.

Белогоров. А ты не хотел бы сначала извиниться?

Кирилл. Вроде не хочется...

Белогоров. Ладно, оставляю на твоей совести. С чего начнем?

Кирилл. А вот с этого самого — с твоих показаний Сердюкову.

Белогоров. Не возражаю — давай с показаний...

Садись, мы не на балу. (*Сагаются.*) Итак, Сердюков. Я не сомневался, что рано или поздно он меня вызовет. Я был твоим другом, меня надо было или арестовать за соучастие в твоих мнимых преступлениях, или затребовать как свидетеля против тебя.

Кирилл. А почему не как свидетеля в мою пользу?

Белогоров. Свидетели защиты в те годы не котировались. Надежда писала заявление за заявлением — ей даже не отвечали. Будешь с этим спорить?

Кирилл. Не буду. Резон в твоих соображениях имеется.

Белогоров. Я продолжаю. Не было часа, чтоб я не размышлял, о чем говорить на предстоящих допросах. Грех признаваться, но даже на операциях, орудуя скальпелем, я нет-нет и вспоминал, что мне предстоит или погибнуть, или погубить тебя.

Кирилл. Иначе говоря, ты заранее прикидывал, что лучше: умереть или убить.

Белогоров. Нет же, нет, Кир! Мы с тобой выясняем истину — к чему сарказм?

Кирилл. Я стараюсь точно сформулировать твою мысль. Сжато и ясно.

Белогоров. Точные формулировки — это всего лишь хлесткие формулировки. Разве ты не знаешь, что чем диагноз ясней и сжатей, тем он дальше от действительной болезни, ибо реальность сложна, в ней, кроме основных, тысячи побочных факторов.

Кирилл. Мы отвлекаемся.

Белогоров. Просто заходим с другой стороны. Итак, я думал о тебе. Еще больше я думал о Наде. Ее надо было остановить, пока она не попала в беду. Тебе не выкарабкаться — это я понимал. Дорн к этому времени был расстрелян, а перед смертью в числе своих соучастников назвал и тебя — нам об этом сообщил на институтском партийном собрании товарищ из прокуратуры.

Кирилл. Правильно, Дорн меня оклеветал. Зачем ему это понадобилось — загадка. Старик был кристально чистый, образец интеллигента в самом высоком значении этого слова.

Белогоров. Он был затравлен, почти обезумел, готов был исполнить всё, что потребуют, — другого объяснения нет.

Кирилл. Говоря твоим языком, это слишком ясное объяснение, чтоб быть истинным...

Белогоров. Дай мне продолжить. После того партийного собрания, где тебя клеймили как врага народа, даже Надя стала понимать, что спасти тебя невозможно. Она, правда, не выступила против тебя, как от нее потребовали, но перестала бомбардировать прокуратуру требованиями о вызове.

Кирилл. Ты, разумеется, тогда выступил против меня.

Белогоров. А что мне еще оставалось?

Кирилл. Мог бы отмолчаться, как Надя.

Белогоров. Я не был твоей невестой — кто разрешил бы мне отмалчиваться? Ты, по-моему, забываешь, какое было время.

Кирилл (*с пафосом*). Слабые духом всегда объясняют свою слабость жестокостью эпохи!

Белогоров. О слабых духом мы еще поговорим. И вот, обдумывая, как держаться, когда меня вызовут, я наметил такой план. Я не буду доказывать твою невиновность — этим я лишь навлеку на себя подозрения. Но и подтверждать твою вину, топить тебя, как ты выразился, тоже не буду.

Кирилл. Однако сделал именно это.

Белогоров. Не торопись, действительность была много сложнее нашего сегодняшнего анализа. Искусно смягчить обвинение против тебя, отмежеваться от них, если смягчить не удастся, — такова, повторяю, была моя задумка. План этот полетел вверх тормашками при первом же свидании с Сердюковым.

Кирилл. Еще бы!

Белогоров. Он сидел надменный — отвратительная рожа, я и сейчас не могу вспомнить ее без содрогания. Ты знаешь, с чего он начал допрос?

Кирилл. Догадываюсь — с Нади.

Белогоров. Как ты узнал?

Кирилл. Я же сказал — догадался. Сердюков знал, что ты влюблен в Надю, что мы с тобой в некотором роде соперники.

Белогоров. Соперниками мы не были. Я уважал Надино чувство к тебе.

Кирилл. Он не обязан был это знать! Припугнуть, что Надя может пострадать, заставить пожертвовать мной, чтоб выволить ее, — что могло быть проще?

Белогоров. Так и было. Хочешь — верь, хочешь — нет, но в ту минуту мне показалось, что я слышу твой голос: «Леонид, мы оба любим Надю — не дай ей погибнуть, как погибаю я!»

Кирилл (*иронически*). Пророческий глас...

Белогоров. Да, мне показалось — пророческий. Сейчас, через восемнадцать лет, ты издевательски усмехаешься, но скажи мне, по-честному скажи: встретись мы тогда, ты сказал бы что-нибудь другое? Разве главной твоей просьбой, первыми твоими словами не были бы: «Леонид, спаси Надю!»

Кирилл. Леонид, не задавай провокационных вопросов!

Белогоров. Нет, ты ответь, ты ответь по-честному!

Кирилл. Хорошо, отвечу. Вероятно, твой воображаемый пророческий голос не ошибался.

Белогоров. Он не ошибался. Надя давно моя жена, у тебя своя подруга, ты перенес столько, что стал забывать старые чувства. Но я хорошо помню, как вы любили друг друга. Она сказала о тебе при дочери: я пью за доброго, красивого, нежного Кира — это правда, Кир, ты был такой! И ты не простишь бы мне, я и сейчас в этом уверен, если бы я тогда вольно или невольно причинил Наде зло!

Кирилл (*помолчав*). Итак, в кабинете сидел надменный Сердюков и шантажировал тебя судьбой Нади.

Белогоров. Что мне оставалось делать? Я стал доказывать что Надя вовсе не так уж близка тебе, у вас есть расхождения, она не твоя единомышленница. И тут он поймал меня. Итак, сказал он, вы признаете, что Трофимов думал иначе, чем вы и она? Говорите уж проще: он был враг народа, а вы, не соглашаясь с ним, не нашли в себе мужества вывести его на чистую воду — и за вас это пришлось сделать органам безопасности. Я не собираюсь привлекать вас за это к ответственности, продолжал он, но вы должны подтвердить, что знали о его контрреволюционных планах или, скажем так, догадывались о них. Кстати, закончил он, Трофимов покался в преступлениях, вот его признание — и он положил передо мною протокол твоего допроса.

Кирилл. Подписанный мною?

Белогоров. Подписанный тобой. Тот самый, о котором ты сегодня говорил.

Кирилл. У тебя не появилось желания опровергнуть этот вздор?

Белогоров. Да, появилось. Я чуть не взвыл в голос: «Да как вы смеете плести такую ерунду!» Не знаю, как я сумел удержаться.

Кирилл. Дальше.

Белогоров. Я посмотрел на Сердюкова. Он курил, пуская кольца дыма. Всем своим видом он показывал, что презирает и меня, и тебя, и всех людей, и если не арестовывает всё человечество, так только потому, что это пока ему не нужно. И он не сомневался, что я

всё подпишу: это была его игра, и на руках у него были такие козыри, как судьба Нади и моя собственная. Или ты будешь мой, или сам не свой, — говорила, нет, кричала его наглая физиономия.

Кирилл. Ты опять заговорил моим языком.

Белогоров. Язык соответствует делам. Я молчал, стараясь понять, почему ты подписал этот вздор: били тебя? калечили физически? пытали морально? Но ведь ты мог исправить даты — и самоклевета, оставаясь клеветой, стала бы правдоподобной. Я тоже мог указать на несоответствия. И вдруг я догадался, почему ты признался в этом несусветном вздоре: именно потому, что он был несусветным вздором! Я понял твой план. И тогда я спокойно сказал Сердюкову: «Что ж, если сам Трофимов признается, мне остается лишь подтвердить». Он стал писать новый протокол. Мои показания были составлены так, чтоб меня самого не могли привлечь как соучастника: Трофимов-де намекал мне, что важные дела должны совершиться в те даты, что указаны в протоколе. Я, Белогоров, толкую сейчас его намеки как указания на подготавливаемые террористические акты. Так это было, Кир! Как видишь, я не топил тебя, а содействовал твоему плану.

Кирилл. Ты считаешь, что оправдался?

Белогоров. Да, считаю.

Кирилл. Слишком легко даются тебе оправдания.

Белогоров. Обвинения неосновательны — потому и оправдаться нетрудно.

Кирилл. А разве ты не мог, вместо того чтоб подтверждать мои тайные контрреволюционные намерения, честно сказать, что я невиновен? Разве это не было истиной и правдой одновременно?

Белогоров. Мог. И это было бы правдой!

Кирилл. Но правды ты не сказал. Ты предпочел ложь!

Белогоров. Разреши встречный вопрос. Ты сам признался в несуществующих преступлениях. Ты сам оболгал себя. Почему ты не сказал правды о себе, а требуешь, чтоб правду о тебе говорил я?

Кирилл. Меня принуждали ко лжи. Ты забыл, какие условия были тогда в тюрьме.

Белогоров. Меня тоже принуждали. Ты забыл, какие условия были тогда на воле.

Кирилл. Вы сами своей ложью о нас, заключенных, создавали на воле эти непереносимые условия. Ваша трусость губила и вас, и нас.

Белогоров. Если это так, то в том, что мне пришлось лгать, ты виноват больше, чем я.

Кирилл. Ты, кажется, перестал оправдываться и начинаешь обвинять?

Белогоров. Да, я обвиняю!

Кирилл. Меня?

Белогоров. Тебя обвиняю!

Кирилл. В чем же?

Белогоров. В том, что ты сам создавал те условия, которые привели тебя в тюрьму, а меня вынудили клеветать.

Кирилл. И ты докажешь это обвинение?

Белогоров. Докажу.

Кирилл. По принципу Сердюкова: обвинение обвиняемого есть дело рук самого обвиняемого?

Белогоров. Мы с тобой ищем истину, а не громоздим доказательства для скорого и несправедливого суда.

Кирилл. Тогда доказывай.

Белогоров. Кир, Надя сегодня назвала тебя пламенным Киром, честным и принципиальным...

Кирилл. Перестань непрерывно цитировать Надю!

Белогоров. Но ведь это правда — ее слова...

Кирилл. Они лишь усугубляют твою вину передо мной.

Белогоров. Нет, они оправдывают меня. Ну, скажем так: всё объясняют.

Кирилл. Очередной софизм профессора Белогорова: Кирилл — пламенный, честный и принципиальный человек, и потому клеветать на него — дело справедливое.

Белогоров. Выслушай меня, пожалуйста.

Кирилл. Налей рюмки.

Белогоров. Через пять минут налью, дай мне высказаться.

Кирилл. Высказывайся, я слушаю.

Белогоров (*увлекаясь, он становится не менее пламенным, чем Трофимов*). Я вспоминаю нас, молодых,

восторженных, увлеченных. Одна большая революция, Октябрьская, породила десятки революций поменьше: в культуре, в быту, в промышленности, в сельском хозяйстве... Всё переламывалось, впереди открывались удивительные горизонты, пламенные ораторы и вожди, вожаки, как говорят нынче, звали нас к еще небывалому, вчера еще невозможному совершенству... Мы все были устремлены в это сверкающее завтра, жили только им!

Кирилл (*возвращая Белогорова на землю*). Какое это имеет отношение к твоей вине?

Белогоров. Непосредственное. И не только к моей, но и к твоей, потому что ты тоже виноват. В нашем институте ты был одним из тех, на кого равнялись, словам которого верили. Ты был не только руководителем нашей партячейки, но и властителем наших сердец.

Кирилл (*иронически*). Какие высокие слова!

Белогоров (*не принимая иронии*). Время было высокое — слова отвечали времени. И вот начались процессы над врагами народа — странные, противоречащие здравой логике, нарушающие юридические законы. Ты восстал против них, Кир? Ты потребовал объективного, открытого разбирательства? Тайные суды уничтожали партийных деятелей, военных руководителей, хозяйственников — ты заклеил эти трусливые судилища? Нет, Кир, нет! Ты поддержал всё, что совершалось! Ты давал индульгенции еще не свершенным расправам, грозил «еще не раскрытым врагам народа» — твое любимое тогдашнее выражение, разве не так? С трибуны и келейно ты нагнетал (и очень умело!) воздух всеобщей подозрительности и недоверия, страха и ненависти.

Кирилл. Мог ли я поступить иначе, подумай!

Белогоров. Мог! Ты мог с трибуны заявить, что несогласен с тем, что творится, мог призвать к протесту. Ты один в нашем институте, тысячи людей в стране... Если бы ты и тебе подобные открыто выступили против, расправы стали бы невозможны. Но у тебя не хватило на это мужества, Кир.

Кирилл. А если я верил в справедливость того, что совершалось?

Белогоров. Да, ты верил, конечно, верил. До тех пор, пока нагнетаемая тобой гроза не обрушилась на твою собственную голову, — тогда ты разуверился. Но что это за философия, суть которой — забота о собственной шкуре? Может ли она вместить обыкновенную человеческую правду, не говоря уже о высшей истине?

Кирилл. Поосторожней выбирай выражения, Леонид.

Белогоров. Брось! Мы видели столько страшных дел — стоит ли страшиться слов?

Кирилл. Ты закончил?

Белогоров. Я только начинаю. Ты мог также отойти в сторону, стереться в незаметность, если уж не хватило мужества протестовать открыто. Многие так и поступили, но только не ты! Ты сам себе помог попасть за решетку. Я говорю о Дорне.

Кирилл. Дорн оклеветал меня, как и ты.

Белогоров. Но перед этим ты заклеил его как преступника, отрекся от него как от учителя.

Кирилл. Когда я узнал, что Дорн готовил покушение...

Белогоров. Откуда ты мог это узнать?

Кирилл. Мне сказали в прокуратуре, когда я пошел узнавать, что с Дорном.

Белогоров. Но сам он тебе этого не говорил?

Кирилл. Конечно, нет!

Белогоров. Значит, ты услышал о его преступлениях от посторонних и, вероятно, пристрастных людей. Ты не узнал о его вине, а поверил в нее — вот как это было. А ты лучше нас всех знал Дорна. И ты мог, как хорошо знающий его человек, запротестовать, заявить во всеуслышание, как сделал это сегодня, что честнейший Дорн — образец интеллигентности, мухи не обидит — куда ему руку на вождей революции поднимать.

Кирилл. Ну, знаешь ли, ты преувеличиваешь мои тогдашние возможности.

Белогоров. Нет, просто ты их недооценивал. И этим рыл себе могилу.

Кирилл. Так-таки рыл?

Белогоров. Так-таки рыл! Ты поверил чужим людям, совсем не знавшим Дорна, а мы поверили тебе, потому что ты знал его лучше всех нас. И когда ты с трибуны отрекался от своего учителя, когда пламенно требовал кары, мы сжимались, и холодели, и боялись глядеть друг на друга: среди нас были преступники — мы их проглядели. И мы думали о тебе, Кир: а где был он? Как он мог не заметить преступление своего учителя? Что таится за его близорукостью?

Кирилл. И ты так думал?

Белогоров. Я — нет, но другие — да, и от этого не уйдешь. Ты подготовил психологическую почву для своего ареста. Когда взяли Дорна, институт был ошеломлен. А когда посадили тебя, никто не поразился: этого ждали.

Кирилл. И ты этого ждал? И Надя?

Белогоров. Мы этого боялись. Заранее негодовали, заранее впадали в отчаяние, но понимали, что это неизбежно.

Кирилл. А ты не думал, что тебя тоже возьмут?

Белогоров. Почему же не думал? Думал. После твоего ареста уже не сомневался, что следующая очередь — моя: я ведь был так же близок тебе, как ты Дорну. Длинная цепочка арестов, начатая его крушением, не могла закончиться на тебе.

Кирилл. Но на мне она закончилась. Тебя не взяли.

Белогоров. Очевидно, на тебе закончилась кампания. И нужно же было кого-то оставить на воле...

Кирилл. Своих не брали, а ты был свой.

Белогоров. Не надо меня оскорблять. Кто-кто, а ты на это права не имеешь.

Кирилл. Я на тебя не клеветал, как ты на меня.

Белогоров. От тебя не требовали клеветы на меня. Не знаю, как ты повел бы себя в противном случае. Дорн — достаточно убедительный пример.

Кирилл. *(заметавшись по комнате)*. Заладила сорока: Дорн, Дорн!..

Белогоров. В его спасении был единственный шанс спастись тебе и его сотрудникам. Ни один из вас не использовал этот шанс, все вы безжалостно топили старика — и пошли на дно вместе с ним!

Кирилл. Не смей со мной так разговаривать! Я Дорна не топил. Нет в природе моих прямых показаний против него.

Белогоров. Прямых нет, косвенные есть. Не протестовал, а соглашался с выводами нечестного следствия, создавал атмосферу травли крупного ученого — это ли не пособничество? Топил ты Дорна, топил — не юридически, так психологически!

Кирилл. Я запрещаю так разговаривать со мной! Слышишь: запрещаю!

Белогоров. Не ори. Надю разбудишь.

Кирилл. И разбужу! Пусть приходит! Пусть смотрит, как я отвечу тебе, если не прекратишь издеваться.

Белогоров. Бить меня собираешься? Уже бил...

Кирилл. Видимо, недостаточно.

Белогоров. Бей еще, если нет других аргументов. Но задумайся над разницей.

Кирилл. Опять софистика?

Белогоров. Какая софистика? Сплошные поиски истины!

Кирилл. В чем она? В чем твоя подлая истина?

Белогоров. Первой пощечиной ты мне мстил. Второй собираешься защищаться от моих обвинений.

Кирилл (*хватает бутылку*). Весь коньяк выдул!

Белогоров. С твоей помощью.

Кирилл. Достань еще.

Белогоров. Мне — хватит.

Кирилл. Тошно, пойми!

Белогоров (*гостает новую бутылку, наливает рюмку*). Для видимости успокоения разве...

Кирилл. Успокоения не будет, хотя бы забвение.

Молча пьют.

Белогоров. Как же ты собираешься мне мстить? И, кстати, только мне — или заодно и Наде? По принципу: порази врага своего во всех его близких и потомках.

Кирилл. Иди ты!

Белогоров. Я серьезно, Кир.

Кирилл (*помолчав, урюмо*). Завтра суд — и Сердюкова я не пощажу. Он не увернется, как увернулся ты!

Белогоров. Ты огорчен, что я увернулся? Нужно было через восемнадцать лет повалить меня на пол, впиться зубами в горло?

Кирилл. Я всё-таки человек, а не зверь.

Белогоров. А мстить собираешься по-человечески?

Кирилл. Довольно, слышишь ты! Хватит с меня софистики и парадоксов. Человек, а не зверь придумал эту формулу — око за око, зуб за зуб!

Белогоров. И впоследствии заменил ее иной: мне отмщение — и аз воздам...

Кирилл. Это не моя формула. В бога не верю. Кому же мне поручить мстить за себя, если не себе самому?

Белогоров. Никому. Потому что мстить некому.

Кирилл. Все невиновны? Отвечай прямо: такие уж все невинные, да?

Белогоров. А я ничего не скрываю. Некому мстить не потому, что все невинны, а потому, что все виновны, такова уж эпоха. Кто творил зло, кто потворствовал, кто трусливо молчал — сторонних не было. Никто не вправе уйти от своей доли ответственности. И если ты присваиваешь себе право мстить, то и сам становишься объектом мести со стороны тех, кто обижен тобой.

Кирилл. Кому же поручить отплатить за меня?

Белогоров. Извини за патетику — всему человечеству. Истории, наконец. Она рассудит правых и виноватых.

Кирилл. Ты меня не убедил. Я еще увижу отмщение собственными глазами. Сердюков жив и благоденствует — я не должен этого допускать! Я обязать ударить его в самое сердце, слышишь ты, апостола всепрощения!

Белогоров. Опять орешь. Ладно, твое дело. Выпьем напоследок — и спать. Устал я смертно...

Кирилл. Думаешь, я не устал?

Молча пьют. Белогоров медленно поднимается по лестнице. Кирилл садится на диван и бессильно откидывается на его спинку.

Занавес.

КРУГ ТРЕТИЙ

Ставок больше нет

Кирилл спит сидя, уронив голову на руки. В дверь стучат. Стук повторяется, уже громче. Кирилл не поднимает головы. На третий раз стук становится резок и настойчив. Кирилл не слышит и его.

Дверь открывается, на пороге — женщина. Коротко остриженная, седая. Яркое, очень нарядное платье плохо вяжется с немолодым лицом. Еще крикливее противоречие между возрастом и украшениями. На шее у нее увесистые бусы из красного искусственного коралла с тремя вульгарно крупными искусственными аметистами. Женщина делает несколько осторожных шагов к Кириллу, останавливается, тихо зовет.

Женщина. Трофимов, вы? Кирилл Петрович, проснитесь!

Кирилл просыпается, оступело смотрит на женщину. Она кладет руку на грудь, словно у нее схватило сердце.

(Потрясенно.) Такой же. Совершенно не изменился!

Кирилл. Кто вы?

Женщина *(с болью)*. Восемнадцать лет прошло — не изменился!

Кирилл. Я вас не знаю.

Женщина. Зато я вас знаю! Почти два десятилетия прошло, а я бы узнала вас и на улице — так вы удивительно сохранились, Кирилл Петрович.

Кирилл. Кто вы? Что вам нужно? Как вы сюда вошли?

Женщина. Мне нужны вы, Кирилл Петрович. Я два раза звонила Белогоровым. Мне ответили, что Трофимова тут нет — и вообще они такого не знают. Прошла последняя электричка, и вы с нее не сошли. Я поняла, что вы приехали сюда на такси.

Кирилл. Откуда вы могли узнать, что я приеду сюда, если я решил навестить Белогоровых неожиданно для себя? Еще утром у меня и мысли не было ехать.

Женщина. Но когда вы решили, вы предупредили в гостинице, что ночевать не будете. Я пришла к вам в «Селект», но не застала. Вы могли поехать только сюда, и я поспешила на вокзал. А попала я к вам просто. После того как проехала последняя электричка, а вас не было, я стала отыскивать дачу Белогорова и увидела светящееся окно. Вы сидели на диване. Я постучала, вы не услышали — тогда я самовольно вошла. Разрешите мне теперь присесть, Кирилл Петрович, я очень устала.

Кирилл. Простите, я забыл вас пригласить. *(Пододвигает стул.)* Пожалуйста. *(Женщина садится.)* Вы меня, я вижу, знаете, но я вас всё-таки нет. Кто вы такая?

Женщина. Я Софья Семеновна Сердюкова, жена генерал-майора Сердюкова, которого сегодня будут судить по вашему заявлению.

Кирилл *(отшатывается)*. Жена Сердюкова? Жена этого мерзавца?

Софья. Василий Сердюков, мой муж, виноват перед многими. Но у вас, Кирилл Петрович, нет права называть его мерзавцем.

Кирилл *(сдерживает негодование)*. По-человечески я вас понимаю: он ваш муж, вам больно, когда его оценивают по его черным делам.

Софья. Я говорю о другом. Кому-кому — но только не вам поносить следователя Сердюкова.

Кирилл. Я, жертва, не могу проклинать своего палача? У меня отнято право ненавидеть того, кто изуродовал мою жизнь? Да вы отдаете себе отчет, чего требуете?

Софья. Выслушайте меня, Кирилл Петрович.
Кирилл (*не слушая ее*). Зачем вы сюда пришли? Хотите действовать за этого садиста? Просить меня пожалеть его? Поздно. Поздно, Софья Сердюкова! Судьба вашего мужа решена. Через несколько часов он получит по заслугам!
Софья. Умоляю — выслушайте меня!
Кирилл. Не буду слушать! Отвечайте: вы собираетесь просить за мужа?
Софья. Да, собираюсь за него просить.
Кирилл (*распахивает дверь*). Уходите. Мы никогда не пойдем друг друга. Впрочем, какие мы «друг други»... Уходите, Сердюкова!
Софья. Я не уйду, пока вы меня не выслушаете.
Кирилл. Узнаю подлую наглость вашего мужа! Недавно говорят: муж и жена — одна сатана. Но я — битый и мятый, вареный и пареный, на меня эти приемычки не действуют. Если вы не удалитесь добром, я вышвырну вас силой.
Софья. Вышвыривайте! Я не уйду.
Кирилл. Ого, какое самомнение! Вам, вероятно, кажется, что вы физически сильнее меня. Как, однако, портит людей многолетнее ощущение власти и безнаказанности.
Софья. На физическую силу я не надеюсь, нет.
Кирилл. На свое моральное превосходство рассчитываете? Или, может быть, на женское обаяние? На молодость и красоту? Вот почему, почти старуха, вырядились под легкомысленную девчонку, нацепили парикмахерские украшения! На меня стекляшки не действуют, хоть колесо повесьте на шею — не очарует.
Софья. Эти стекляшки, которые вам так не нравятся...
Кирилл. Довольно! Бесплезно меня просить. Убирайтесь!
Софья. Я не уйду.
Кирилл. Не понимаю: на что вы надеетесь?
Софья. На то, что сохранилось же в вас что-то человеческое, не вовсе же вы в зверя превратились...
Кирилл. Я превратился в зверя? Да как вы смеете так разговаривать со мной! Василий Сердюков, ваш

муж, — вот зверь, бешеный волк, несущий людям смерть и горе. Но этого хищника обложили, выходы ему закрыты.
Софья (*опускается на колени; страстно*). Ради всего человеческого, что в вас есть, прошу — выслушайте меня! Полчаса времени — неужели вы так жестоки, так не по-людски жестоки, что не можете подарить полчаса внимания страдающему человеку, я уже не говорю — женщине!
Кирилл. Встаньте! (*Она поднимается. Саркастически.*) Наряды и украшения не подействовали — нашли методы посильнее. Валяться в ногах — куда как действенно!
Софья. Эти стекляшки, которые вы так возненавидели, мне, вероятно, сейчас отвратительны много больше, чем вам. Но я не могла их не надеть. Это — мой последний аргумент.
Кирилл. Ultima ratio, как говорят латинисты. У королей последний аргумент — пушки, у жены Сердюкова — стеклярусы. Какая деградация власти! Одни доводы оглушают и разрывают на части, другие мутно поблескивают.
Софья. Они сильнее пушек — в них просвечивает человеческая жизнь.
Кирилл. Чья жизнь, Софья Сердюкова, жена генерал-майора Сердюкова?
Софья. Ваша, Кирилл Петрович.
Кирилл. Моя? Как забавно люди оговариваются!
Софья. Ваша. Я не оговорила.
Кирилл. Сколько помню, я ни разу не ставил своей жизни против ювелирных поделок.
Софья. Эти ювелирные поделки — премия за ваше спасение.
Кирилл. Вы в уме, Сердюкова?
Софья. Муж подарил их мне за то, что я придумала лживые даты, которые выручили вас на суде.
Кирилл. Как вы смеете лгать? Ваш безмозглый муж по своей дурости...
Софья. Он отлично сыграл придуманную мной роль нагловатого простачка. Вы и Белогоров, во всяком случае, поверили, а большего тогда и не требовалось.

Кирилл (*голко смотрит на нее*). Софья Семеновна? Я не ошибся?

Софья. Вы не ошиблись — Софья Семеновна.

Кирилл. Нам надо объясниться, Софья Семеновна.

Софья. Только об этом я и прошу.

Кирилл. Объясняться мы будем так. Сначала вы ответите на мои вопросы, потом можете говорить, что вам вздумается.

Софья. Спрашивайте, я отвечу на все вопросы.

Кирилл. Не скрою, я заинтересован. Но, в сущности, ваше сообщение смахивает на хитро придуманную ложь. В епархии вашего мужа так часто и так умело лгали, что не трудно соорудить еще одну выдумку.

Софья. В чем вы видите ложь?

Кирилл. Да хотя бы в том, что вы отлично знаете, как путаница с датами спасла меня от расстрела. И хоть она возникла по невежеству вашего супруга, сейчас ее выгодно объявить ловким ходом — себе в ущерб, подследственному на пользу. Не сомневаюсь, что на суде Сердюков построит свою защиту именно на такой версии. И уверен, что суд так же не поверит ему, как я сейчас не верю вам.

Софья (*с болью*). Всё поворачивается против меня! Даже правда звучит ложью.

Кирилл (*иронически*). Вы не опровергаете моих рассуждений, Софья Семеновна.

Софья. Я не могу их опровергнуть. Они звучат так убедительно: тогда Васе не было выгодно придумать живые даты — и он их не придумывал, они появились по его небрежности. А сейчас ему выгодно свой просчет объявить сознательным приемом — и он это делает. Выхода нет! Нет мне нигде выхода! (*Закрывает лицо руками.*)

Кирилл (*помолчав*). Еще латиняне говорили: ищи, кому выгодно — в этом правда.

Софья (*поднимает голову*). Правда, вы сказали? Может, правда и точно — в выгоде. Но истина в ином.

Кирилл. Опять софизмы! Некуда от них деться!

Софья. Не понимаю вас.

Кирилл. Почему вы различаете истину и правду?

Софья. Ничего я не различаю! Я думала, вы поразитесь, станете меня расспрашивать, узнаете, как всё происходило реально. Я так надеялась на это! А вы сражаете меня холодным рассуждением — и у меня нет сил опровергнуть его. И через несколько часов этим же лживым, непроверяемым рассуждением сразят моего мужа — и он будет молчать, он не сумеет ничего возразить. Боже мой! Боже мой! Почему истина так неправдоподобна?

Кирилл (*наливает две рюмки, протягивает одну Софье*). Выпейте. Для успокоения.

Софья. Не надо мне успокоения!

Кирилл. А я выпью — с вашего разрешения. Дурачки шалют нервы. (*Выпивает обе рюмки, садится. После некоторого молчания.*) Рассказывайте всё подробно.

Софья. Значит, вы будете меня слушать?

Кирилл. Не хотел бы слушать, не предложил бы рассказывать.

Софья. Так всё запуталось в голове! А ведь я хорошо всё продумала — с чего началось, чем окончилось...

Кирилл. Я помогу вам.

Софья. Не надо, я сама. Знаете ли вы, Кирилл Петрович, что у Васи вы были первым подследственным?

Кирилл. Понятия не имел! Он держался так свободно, даже развязно, чтоб не сказать сильнее... Я не хочу вас обижать и не буду описывать его поведение.

Софья. Вы были у него первым. С вас он начал работу следователя.

Кирилл. Вспоминаю: его перебросили в органы, не дав доучиться в вузе.

Софья. Он закончил его заочно, после войны. А в тридцать седьмом году весь их курс отправили на практическую работу. Вокруг открывалось столько врагов народа и тайных контрреволюционных организаций, что не хватало специалистов для оформления дел.

Кирилл. Специалистов!.. Скажите честнее — палачей!

Софья. Вы жестоко пострадали без вины, имеете право на резкость. Но когда Васю командировали в

органы, ему не говорили, что выдвигают в палачи. Ему внушали, что нужно распутывать преступления против государства и партии, делать это надо квалифицированно, юридически грамотно — вот было его задание. Он попал к старшему следователю Сюганову, а тот как раз оформлял Дорна...

Кирилл. Оформлял Дорна — интересный термин... Софья. Так тогда говорили — оформлять. И Дорн после заперительств признался. Это произошло вскоре после того, как в институте приняли резолюцию, требующую суровой расправы с ним. Тогда о его преступлениях все газеты кричали, но на Дорна больше всего подействовала эта резолюция. Он не ел три дня, два раза терял сознание, а потом, на очередном допросе, где присутствовал и Вася, подписал признание, что преступник, и назвал сообщников. Сюганов заранее подготовил их список.

Кирилл. Довели старика до самоклеветы и лжесвидетельства.

Софья. Вася и не подозревал тогда, что Дорн клеветает на себя и на других, это стало ясно теперь, а в тридцать седьмом всё казалось другим.

Кирилл. Создали обстановку массового психоза, у самих в глазах мутилось — и белое стало казаться черным...

Софья. В том первом списке вас не было. Ваша фамилия появилась так. Сюганов изучал прения и резолюцию вашего трехдневного партийного собрания — один из сотрудников присутствовал там все три дня, он докладывал. Если у Сюганова еще были сомнения в виновности Дорна, то они отпали, так горячо у вас клеймили профессора. А ведь эти люди хорошо его знали — не считаться с этим следствие не могло. Сюганов дал сотрудникам установку: «Теперь выбивайте из мерзавца признание. Нет сомнений, что он виновен — если его свои так расчехвостили!» *(Кирилл опускает голову.)* И за Дорна взялись по-настоящему. Что с вами, Кирилл Петрович?

Кирилл. Ничего. Продолжайте.

Софья. Вы произнесли на собрании горячую речь, она очень понравилась Сюганову: принципиальная,

глубоко партийная... А потом появились сомнения: почему вы так пламенно осуждаете Дорна?

Кирилл *(дергаясь)*. Какие у вас отвратительные слова! Пламенно!..

Софья. Простите, я не хотела делать вам больно. Сюганов употреблял именно это определение... Он рассуждал так: Трофимов — любимый ученик Дорна, на всех его операциях присутствует, трофимовская карьера на нем держится. Почему же этот самый ученик так горячо отказывается от учителя? Принципиальность, партийность? Но как увязать партийность с близорукостью — ведь до ареста Дорна от Трофимова не поступало никаких сигналов о преступной деятельности? Трусость? На Трофимова не похоже, по всем данным он — человек мужественный. Остается одно: нехитрая маскировка. Трофимов — один из соучастников шайки Дорна и сейчас замечает следы.

Кирилл *(пытаясь усмехнуться)*. Безупречная логическая конструкция! Звучит очень правдоподобно.

Софья. Сюганов снова вызвал Дорна (Вася присутствовал и на этом допросе) и сказал ему так: «Нехорошо, профессор: раскаялись, но не полностью. Трофимов был деятельным соучастником ваших преступлений, а вы его не назвали. Сохраняете на будущее осколки вашей разгромленной организации?» У Дорна было серое, отекавшее лицо, мутные глаза, он бессмысленно усмехался, он словно и не слышал, что говорит Сюганов, — так описывал тот допрос Вася.

Кирилл. Ох, Софья Семеновна!.. Подождите минутку. *(Наливает рюмку коньяку, жадно пьет.)* Продолжайте!

Софья. У Дорна был слабый голос, он с трудом говорил. Он сказал: «Вам и Трофимов понадобился? Вписывайте Трофимова, но больше я уже не могу, прошу меня поскорее расстрелять!» Так в показаниях появилась ваша фамилия.

Кирилл. Так появилась моя фамилия...

Софья. После было решено: вас арестовать, дело выделить в особое производство, чтоб не задерживать суда над группой Дорна, и поручить расследование

стажеру Сердюкову. Вскоре вы познакомились с моим мужем.

Кирилл (*изо всех сил пытаюсь быть ироничным*). Приятное было знакомство...

Софья. На Васю вы произвели хорошее впечатление: открытое, честное лицо, искренность в голосе... Вы не были похожи на преступника, хитро заматающего следы, согласилась я с мужем. Вы понимаете, это было первое дело Васи, он делился со мной каждым своим словом и каждым вашим, он принес домой вашу фотокарточку — и мы вместе ее рассматривали. Она и сейчас у меня хранится... И каждый день мы вместе с Васей намечали вопросы, прикидывали возможные ответы. Надо было установить, ошибочно первое впечатление или нет.

Кирилл (*криво усмехаясь*). И вскоре вы установили, что первое впечатление ошибочно, а я — хитрый преступник, ловко заматающий следы.

Софья. Вскоре мы установили, что вы невиновны и нет оснований держать вас под стражей. Вася пошел с этим к Сюганову, но тот и слушать не захотел. В это время в институте вас бурно клеймили, лишь одна ваша невеста не захотела от вас отмежеваться. Сюганов сказал Васе: «Погляди, как кипит институтская народная масса — разве это было бы возможно, будь Трофимов невиновен? И Дорн не упорствовал — показал на него. Нет-нет, Сердюков, займись этим делом серьезно, а не тяп-ляп. А не можешь справиться, скажи прямо — передадим Трофимова товарищу по-квалифицированной!» Тогда Вася понял, что спасения для вас нет.

Кирилл. И стал искать способ вернее меня погубить?

Софья. И стал искать способ спасти вас. Если не от тюрьмы и лагеря (в той обстановке об этом и мечтать не приходилось), то хотя бы от расстрела. Он не спал ночи и мне не давал спать — мы часами искали выход. Сколько раз Вася в отчаянии грозил, что завтра откажется от вас, а я переубеждала его: передать вас другому следователю значило наверняка погубить. Вот тогда мы решили, что он должен притвориться

хамоватым простачком, чтоб вы думали, будто он противник неопасный: многие арестованные, попадая к жестоким следователям, быстро теряли стойкость и возводили на себя любые поклепы. И третью степень он обещал мне ни в коем случае не применять.

Кирилл. Меня не били, верно.

Софья. А потом я придумала эту комбинацию с невозможными датами. Всю группу Дорна расстреляли, никто бы не смог указать на несоответствие сроков. Вася не поверил в реальность такого хода, он говорил, что вы запротестуете: вот, мол, как вы все лжете — даже даты преступлений придумываете немыслимые. А я говорила, что вы человек умный и быстро оцените выгоду фальшивки. Тебе ничего не будет, упрашивала я Васю, это ведь твой первый подследственный, ну, дадут партийное взыскание — и только, а человек сохранит жизнь. Очень прошу тебя — попробуй. В общем — он вызвал вас на допрос, где вы наконец подписали показания на себя. А потом позвонил мне: «Сонечка, всё в порядке, в шесть вечера встретимся на Сретенском бульваре».

Кирилл (*тупо*). Почему на Сретенском?

Софья. Он ближе всего к его работе. Если бы вы видели, Кирилл Петрович, какое у него было радостное лицо, как он побежал ко мне, как закричал: «Спасибо, Соня, всё вышло по-твоему!» Мы шли по Сретенскому бульвару, по Чистым прудам, по Покровскому и Яузскому, потом к Яузе — чудесная, всегда пустая набережная. Наступила ночь, а мы всё гуляли, и Вася всё говорил, описывал каждую малость, каждое выражение вашего лица.

Кирилл (*старается сопротивляться*). Он же не смотрел на меня — что он мог видеть?

Софья. Он боялся на вас смотреть, чтоб вы не догадались, что он чувствует. Но он всё видел в вас, всё! Сперва вы раскрыли рот, хотели запальчиво запротестовать, потом задумались, пронзительно глянули на него и медленно, очень медленно проговорили: «Раз вам всё известно, ладно, буду признаваться, пишите протокол». Вася стал писать, а вы положили ногу на ногу, откинулись на спинку стула, потом вдруг

протянули руку и взяли папиросу из его пачки. Васе почудилось, что вы хотите порвать протокол, и он весь замер, и только, разглядев, что дело в папиросе, пробормotal: «Без хамства, спрашивайте разрешения!»

Кирилл. Правильно, так это было.

Софья. А потом вы задумались над протоколом — и Васе опять показалось, что вы его порвете. У него громко билось сердце, и он боялся, что вы это услышите. Он не мог больше сидеть. Он подошел к окну, оно было открыто, и стал смотреть на Никольскую башню Кремля. Он не обернулся, пока вы не сказали — и голос у вас был громкий и саркастический: «Готово, гражданин следователь!» Вася быстро сказал вам: «Теперь уже не будете засиживаться в тюрьме, Трофимов!» и на радостях хотел пожать руку, но вовремя спохватился и только сунул вам пачку «Казбека». Он сам потом не мог понять, зачем ему понадобилось одаривать вас папиросами.

Кирилл. Всё точно.

Софья. А на следующий день начались новые тревоги. Сюганов сказал, что хорошо бы подкрепить признание свидетельскими показаниями: «Вызовите друзей Трофимова и поработайте с ними». Вася не осмелился вызвать Надежду: она писала отчаянные заявления в вашу защиту, а Вася их рвал, чтоб и ее не привлекли как соучастницу. Надежда, конечно, сразу запротестовала бы против фальшивых дат — и весь план тут же рухнул бы. Муж вызвал Белогорова — вся надежда была на него. Вася подумывал было, не открыться ли ему, но побоялся: всё-таки риск был страшный.

Кирилл. А Белогоров спокойно подтвердил клевету на меня...

Софья. Одно скажу, Кирилл Петрович: вы много вытерпели несправедливости, но счастливый вы человек, если у вас такие друзья. Он сделал всё, чтоб вызволить вас — умно, тонко, осторожно. Ничего, что могло бы вам повредить, он не сказал, всё было в вашу пользу — без пережима, без резкостей, но за вас. Вася пригрозил ему, что и Надежду может постигнуть беда, чтобы до Белогорова дошла серьезность поло-

жения, и показал подписанный вами протокол. Белогоров раздумывал, а Вася курил, небрежно пуская кольца дыма. А когда Белогоров поднял голову, Вася увидел, что он всё понял. Он усмехнулся, не скрывая иронии: «Что ж, раз Трофимов признался... такие признания и я могу подтвердить!» Он тут же оговорился: «Но ничего определенного Трофимов мне не говорил, ничего определенного!» Вася сказал: «Понимаю, были одни намеки, приуроченные к этим датам». — «Да, намеки, приуроченные к этим датам», — ответил Белогоров, и опять в его глазах была насмешка. В тот же день ваше дело пошло в суд, и на суде вы указали на недобросовестность следствия.

Кирилл. И этим спас себе жизнь?

Софья. И этим спасли себе жизнь. Вася получил партийное взыскание, а мне купил эти побрякушки — на память о первом спасенном нами человеке.

Кирилл. Так-так. Вы всё сказали, Софья Семеновна?

Софья. Да, всё.

Кирилл. Чего вы теперь хотите от меня?

Софья. Вася спас вам жизнь, а вы губите его!

Кирилл. Спас мне жизнь! Как выродились моральные понятия! Спас мне жизнь, заставив меня клеветать на себя, принудив честных людей лжесвидетельствовать!

Софья. Других путей тогда не было. Попало бы ваше дело к иному следователю, вы бы не сидели сегодня на этом диване. Неужели вы этого не понимаете, Кирилл Петрович?

Кирилл. Это я понимаю. Но я понимаю и другое. Стажер Вася Сердюков совершил доброе дело, облегчив своей нечестностью участь одного арестованного. Но сегодня судят генерал-майора Сердюкова — судят по совокупности совершенных им преступлений. Я мог бы простить стажера, но не генерала.

Софья. Перед вами он невиновен.

Кирилл. А перед другими?

Софья. Другие не привлекают его к ответственности.

Кирилл. Потому что они в могиле?

Софья. В его деле только ваше заявление. Он невиновен перед вами!

Кирилл. Еще раз спрашиваю: а перед другими?

Софья. Вдумайтесь, молю вас, вдумайтесь, Кирилл Петрович! Он спасал вас — и вы добились суда над ним. А если бы он вас не спас, вы сегодня были бы мертвы — и никто не привлекал бы генерал-майора Сердюкова к суду. Вдумайтесь в эту чудовищную несправедливость!

Кирилл. В чем вы видите несправедливость?

Софья. В том, что ночью, после суда над вами, он плакал от радости, что ожидаемого расстрела не состоялось. Да, плакал, я видела слезы в его глазах, а сегодня я, его жена, радовавшаяся в ту ночь вместе с ним, должна сожалеть, что он спас вас от смерти — вот к чему вы меня принуждаете! Где же тогда справедливость?

Кирилл. Я был спасен от смерти, а потом? Сколько потом погибло людей по вине генерала Сердюкова?

Софья. Он невиновен перед вами!

Кирилл. В третий раз спрашиваю: а перед другими?

Софья. За кого вы мстите: за себя или за других, за тех, кого вы даже не знаете?

Кирилл (*снова — пламенный Кир*). Возмездие совершается за всех!

Софья. Но его совершаете вы! Кто дал вам право говорить от имени всех? Кто дал вам право мстить за всех?

Кирилл. Я сам взял это право. Я мщу сегодня не за одного себя, а за всех невинно погубленных, всех, чью жизнь безжалостно и непоправимо растоптали.

Софья. Но вы мстите одному Сердюкову, а разве он один отвечает за несчастье всех несчастных?

Кирилл. У меня просто нет возможности отомстить всем виновным, всем, кто организовывал травлю людей людьми, всем, кто убивал беззащитных!

Софья. Кто же тогда отомстит вам, Кирилл Петрович, если уж нужна такая всеобщая месть?

Кирилл. Мне? А за что мне мстить?

Софья. А хотя бы за Дорна, за несчастного Дорна, вашего учителя!

Кирилл. Я не давал показаний против Дорна, я не повинен в его смерти.

Софья. Показаний вы не давали — вы произносили речи. Когда Дорну предъявили стенограмму вашего выступления на партсобрании, старик разрыдался. Он закрыл лицо руками, затрясся...

Кирилл (*вскакивает*). Довольно! Я больше не хочу слышать о Дорне!

Софья. И в этот день, только в этот день Дорн подписал признание в преступлениях. Сопrotивление его было сломлено.

Кирилл (*бешено*). Хватит, я приказываю вам!

Софья (*поднимается; страстно*). Кто отмстит вам за Дорна, Кирилл Петрович? Он в могиле, он не может притянуть вас к ответственности, как вы притянули моего мужа!

Кирилл (*наступает на нее*). Еще одно слово — и я кулаками заткну вам глотку!

Софья. Кто отомстит вам за Дорна?

Кирилл (*хватает ее*). Ведьма! Подлая ведьма! Я задушу тебя.

Софья. Душите! Убийце моральному давно пора стать убийцей физическим! (*Кирилл трясет ее, хрипит от ярости*.) Душите, душите!

Кирилл (*бросает ее в кресло*). Исчадие преисподней!

Молчание. Софья плачет, Кирилл в мрачном раздумье ходит по комнате. Через некоторое время она встает, срывает с себя ожерелье и бросает его на пол.

Софья. Я возвращаю вам подарок за вашу спасенную жизнь. Господи, как мне стыдно, что я им гордилась... Будьте вы прокляты!

Направляется к выходу. Он оцепенело смотрит ей вслед. Лишь когда она касается двери, он кидается за ней, хватая за руку.

Кирилл. Софья Семеновна, подождите! Нельзя же так, черт возьми!

Подводит ее к креслу, садится напротив. Последующий диалог звучит быстро, четко, сухо — обмен информацией, а не разрываемые в клочья страсти.

Кирилл. Продолжим наш разговор, Софья Семеновна.

Софья. У меня нет сил продолжать этот ужасный разговор. *(Плачет.)*

Кирилл. Успокойтесь. Нам нужно собраться с мыслями. Вы лучше меня знаете процессуальные тонкости. Что я должен сделать? Что я могу сделать?

Софья. Сегодня утром начнется суд.

Кирилл. Знаю, в девять утра. Они уже месяц работают без выходных.

Софья. В повестке дня три вопроса, дело моего мужа слушается первым. Если вы до заседания заберете свое заявление и объясните секретарю суда, почему это делаете...

Кирилл. По вновь открывшимся обстоятельствам — так это, кажется, формулируется юридически?

Софья. Вроде так. Секретарь суда обязан будет отложить слушание дела. Это не гарантирует Васе спасения, но появляется какой-то шанс...

Кирилл. Значит, будем добиваться, чтоб этот шанс появился. Я могу поговорить с секретарем суда по телефону?

Софья. Нет, по телефону не видно, кто говорит.

Кирилл. Мы успеем, если поедем первой утренней электричкой?

Софья. Нет. Здесь боковая линия, нужно пересаживаться. Раньше половины десятого в Москву не прибудем.

Кирилл. Вы не догадались заказать такси?

Софья. Нет. Я надеялась, что уговорю вас к последней ночной электричке.

Кирилл. На последнюю электричку мы опоздали?

Софья *(смотрит на часы)*. Она ушла двадцать минут назад.

Кирилл. Ясно. Единственный выход — заказать такси.

Софья. Ближе Зарайска такси не достать.

Кирилл. Будем звонить в Зарайск. *(Берет телефонную книгу, находит нужный номер, набирает.)* Автобаза? Мне диспетчера. Милая девушка, прошу выслушать меня внимательно... Ух, какая вы — всегда вни-

мательная!.. Я живу неподалеку, на даче профессора Белогорова, знаете такую? Очень хорошо. Профессора срочно вызывают в Москву, неотложная операция, понимаете? И вот самым экстренным образом нужно такси... Неужели ни одной машины? Скажите, а я не могу сейчас вызвать такси из Москвы? По вызову так далеко не пойдет? Что же мне делать, подскажите, милая девушка! Так-таки ничего? Абсолютно ничего? Простите за беспокойство. *(Кладет трубку, смотрит на Софью.)*

Софья *(прижимает руки к вискам)*. И здесь сорвалось!

Кирилл. Что же нам делать?

Софья. Утренняя электричка — другого не остается.

Кирилл. Но мы опоздаем к началу суда.

Софья. Попросите пустить вас на заседание. Может, и удастся убедить суд отложить слушание дела...

Кирилл. Хорошо, утренняя электричка. Часа три-четыре у нас есть. Я постелю вам на диване, вам нужно отдохнуть.

Софья. Нет, я пойду на станцию, буду ждать вас там.

Кирилл. На станции вы не отдохнете.

Софья. Здесь я тоже не отдохну. Не обижайтесь, Кирилл Петрович... Мне трудно здесь.

Кирилл. Я понимаю. Итак, вы ждете меня на станции. Я буду за полчаса до прихода электрички.

Провожает Софью до двери. Возвращается, ходит по комнате. Шаг его убыстряется, он мечется, как, вероятно, восемнадцать лет назад метался в тюремной камере. Взгляд его падает на сорванное Софьей ожерелье. Кирилл поднимает его, кладет в карман, снова ходит. Он начинает разговаривать с собой — с каждым словом всё громче.

Кирилл. Нет, нет! Нет, нет! Говорю тебе — нет! *(Поворачивается к этажерке, срывает трубку, набирает номер.)* Диспетчер? Милая девушка, опять я. Нет, не профессор Белогоров, другой человек, я просто живу у профессора. Да, вы говорили, что такси нет. Девушка, я солгал вам. Солгал, вы правильно

услышали. Никакой операции не предвидится, и профессору не нужно в Москву. Мне нужно в Москву. Да, мне. Нет, вы меня послушайте, очень прошу. Утром в Москве судят человека, я давал на него материал... В общем — я хочу отказаться от своих показаний. Ох, как трудно с вами, девушка! Да, оклеветал, если другого слова не существует. Если я попаду в Москву до суда, этого человека еще можно спасти. Помогите мне спасти человека, только об этом прошу. Что? Ну, конечно, какая мне разница, пусть грузовик... А шофер согласится? Ах, он ваш жених! Хорошо, я буду ждать вашего звонка. Дача Белогорова, да. Я буду ждать, девушка. *(Кладет трубку, ходит по комнате, всё убыстряя шаг, разговаривает, не слыша себя, — полуавтоматически.)* Я буду ждать! Я буду ждать!

Занавес.